

СОФИСТИКА В СОЧИНЕНИЯХ МИГЕЛЯ ДЕ УНАМУНО

МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ПЕДАГОГИКОЙ*

А.С. ОВСЕПЯН

В статье рассмотрено творческое наследие Мигеля де Унамуно — одного из крупнейших испанских мыслителей конца XIX – начала XX века. Мигель де Унамуно известен не только как писатель, но и как философ, филолог, публицист, драматург, общественный деятель и преподаватель с яркими и уникальными для своего времени идеями. Основное внимание акцентируется на его высказываниях, относящихся к деятельности софистов, литературной и ораторской софистики, а также на софистической концепции образования в целом. Ключевым является вопрос о том, кем были для Унамуно софисты: мудрецами, работающими на благо городу, или словесными умельцами, создающими образовательную опасность для горожан? В эссе «О следствии, искренности», обсуждая философские вопросы, Унамуно обращается к сфере деятельности софистов. Унамуно считал, что как в педагогике, так и политике есть опасность попасть в зависимость от некоего авторитета (иногда ложного). Студента, как и избирателя, заставляют верить в чужую истину, а значит, не присутствует ли софист внутри преподавателя и политика? Унамуно подкрепляет свою точку зрения примером о человеке, ненавидевшего политику, но влюбившегося в излагаемые преподавателем доктрины. В эссе «Эксплуатация умных», где Унамуно рассуждает об обманщиках, он говорит о том, что софист может победить в глупых словесных турнирах, но не в спокойных и обстоятельных письменных обсуждениях. Опираясь на корпус его фило-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18–78–10001–П. — <https://rscf.ru/project/18-78-10001/> (апрель, 2023).

софских и педагогических эссе, можно сделать вывод о двойственном отношении испанского деятеля к софистам и софистическому образованию. Говоря, что всегда видел в глубине души каждого догматика — софиста, а глубине души каждого софиста — догматика, Унамуно утверждает, что при необходимости выбора, без сомнений выберет софиста. Трудно отнести Мигеля де Унамуно как к противникам, так и к сторонникам софистов, скорее он симпатизирует софистам, используя обращение к их деятельности для построения своей аргументации, которая иногда тоже напоминает софистическую.

Мигель де Унамуно (1864–1936) — один из крупнейших испанских мыслителей конца XIX – начала XX века, знаковая фигура «поколения 98 года», писатель, философ, общественный деятель, публицист, преподаватель древних языков. Унамуно родился в Бильбао, однако его научная деятельность протекала в Саламанке. Он преподавал древнегреческий и латынь в Университете Саламанки, отличался новаторскими подходами, отстаивал оригинальные идеи и вдохновлял преподавателей и студентов.

Мигель де Унамуно известен своей экзистенциальной философией и художественными произведениями, а также сочинениями разных жанров, где он ставит на многочисленные (в том числе, педагогические) вопросы и ищет на них ответы. Его мировоззрение одновременно и отражает, и противостоит испанской действительности того времени; его идеи связаны с глубоко личными переживаниями, а также событиями, которые переживала его страна. Унамуно жил и творил во временной промежутке, когда Испания претерпевает не одно изменение социально-политического строя. Его наследие сложно для изучения: нельзя строго разделять тексты Унамуно на художественные, политические, религиозные, педагогические и иные, поскольку он предпочитает смешивать контексты и жанры. Ключевые темы его работ — это обсуждение значимых событий для испанского народа (в особенности Карлистских войн и Падении Испанской Республики), а также проблем человеческого бытия (бессмертия, религиозности и т.д.). Унамуно называли экзистенциалистом, а его собственным кумиром в экзистенциализме был датский философ Кьеркегор, на которого он не раз ссы-

лался. Иррационализм Унамуно также унаследовал от Кьеркегора, который ставил в центр всего личность.

Особенностью творчества Унамуно является его парадоксальность: на протяжении всей жизни педагог часто смотрел на те или иные явления другими глазами, опровергал ранее высказанные утверждения и скрывал свою позицию, сопрягая противоположные точки зрения. Об этом писали многие: например, Кармен Феррет Сарриа называет Унамуно «любителем противоречий и двусмысленности»¹. Унамуно любил обращаться к метафорам, особенно, когда подчеркивал важность человеческой души и возможности ее познания не через разум, а через духовность. Особенности построения его аргументации таковы, что ее можно назвать софистической. Философские тексты Унамуно выстроены так, что его можно назвать «новой версией» Протагора или Горгия.

Особый интерес представляет изучение творчества дона Мигеля через призму его педагогической деятельности, но степень изученности Унамуно как педагога не так велика, причем как со стороны отечественных ученых, так и зарубежных. Цезарь Агилера² и Рафаэль Рубио Латорре³ изучали педагогические идеи Унамуно. Еще одним исследователем его педагогического наследия был выпускник университета Саламанки, Эмануэль Хосе Мароко дос Сантос⁴. Унамуно вдохновлял экзистенциализмом Кьеркегора, романтизмом Руссо, анализировал опыт прошлого и делился рассуждениями со своими современниками. Будучи преподавателем древних языков, Унамуно черпал вдохновение в античных источниках, которые хорошо знал и цитировал. Сопоставляя настоящее с прошлым, он обращался, в том числе, к педагогическому движению софистов. Ключевым является вопрос о том, кем были для Унамуно софисты: мудрецами, работающими на благо городу, или словесными умельцами, создающими образовательную опасность для горожан?

В эссе «Ратпенатерии»⁵ встречается отсылка к софистическо-

¹ Ferrete Sarriá (1998). P. 39.

² Aguilera (1965).

³ Latorre (1973).

⁴ Maroco dos Santos (2017).

⁵ Само слово не существует в испанском языке, оно подстроено

му искусству. Унамуно описывает поэзию в Каталонии и Валенсии, и, говоря о фигуре поэта, пишет: «Поэту нужно взобраться на таинственный треножник, чтобы петь. Эта эволюция поэзии очень похожа на ту, которая проходит между искренней непосредственностью философской мысли и профессиональной хитростью софистов, всегда готовых превратить в трамплин для своих интеллектуальных трюков любой предложенный им тезис»¹. Здесь Унамуно представляет софистов больше хитрецами, умело владеющими речью и привлекающими этим умением, а не мудрецами или наставниками.

В эссе «О следствии, искренности», рассуждая о философских вопросах, касающихся последствий и искренности, Унамуно вновь обращается к сфере деятельности софистов. В фокус испанского педагога находится проблема зависимости от некоего авторитета, которая может привести к негативным последствиям: «Мы полагаемся на помощь других, чтобы не утруждать себя формированием и утверждением собственного авторитета»². Унамуно продолжает: «Мы живем в долгу, авторитете и доверии, и поэтому мы заботимся о ближнем: чтобы он не обманул нас, то есть, чтобы он не обманул наше представление о нем».³ Затем Дон Мигель подкрепляет свою точку зрения примером о человеке, ненавидевшего политику, но влюбившегося в доктрины, излагаемые преподавателем. С годами этого человека постигает только разочарование и тоска, и, оглядываясь в прошлое, он не понимает, как мог проявить неискренность и полюбить то, что ненавидел. Вероятно, софист присутствует внутри преподавателя, которым так восхищается герой унамуновского эссе. Этот человек вполне может быть примером того, кто поверил лже-авторитету и стал разделять *чужую* истину. Речь идет об ученике, подобном ученику софистов, который поддался интеллектуальным «чарам» преподавателя.

Унамуно под существительное, поскольку *ratpenatrísta* — это человек, защищающий валенсийский язык; *Lo Rat Penat* — сообщество, защищающее валенсийский язык, а само слово означает деятельность и все то, чем занимаются сторонники сообщества

¹ Unamuno (1958). P. 679.

² Unamuno (1958) P. 938.

³ Unamuno (1958). P. 938.

Идеи Унамуну антропоцентричны: центр вселенной всегда человек, он — высшее существо, вокруг которого объединено все остальное. Для дона Мигеля прожить жизнь по-настоящему значит прожить ее трагически, в борьбе. Унамуну считает нужным отодвинуть все традиционное и следовать новому, рассматривать человека в качестве центральной фигуры и считать его существом, переживающим предельность «человеческого бытия, несбыточной жажды бессмертия»¹. Согласно терминологии Унамуну, это называется «агония», а в центре всего — человек-агонист. Но агония наступает не каждого человека, а только избранных. По мнению Мигеля де Унамуну, агонию порождает осознание человеком того, что нет ни Бога, ни бессмертия².

А.А. Хусейнова называет софистов «новомодным индивидуалистом», таким же хочет видеть Унамуну и своих сограждан: людей, движущихся к познанию своего внутреннего «я», переворачивающий верх дном понятие свободы. Испанский мыслитель посвящает множество сочинений персонализации человека, утверждая, что подход к каждому человеку должен быть индивидуален. Здесь Унамуну придерживается понимания Кьеркегора индивида как категории. Следует обратить внимание, что возвышение человека не значит, что он может быть отделен от других живых существ. Однако человек, являясь центром вселенной, не существует без общества, как и общество без человека. Унамуну отрицал общепринятые догмы в образовании, преподавателей призывал к добросовестному отношению к своему делу, а студентов мотивировал бороться за культуру и заселять испанский интеллектуальный мир разными идеологиями. Он также призывал преподавателей и учителей обосновывать их демократическую свободу (в том числе, свободу от церкви).

Все эти призывы означали, что нужно высказаться публично, то есть постичь то искусство, которому предлагали обучить софисты. Унамуну не раз писал о софистах именно в контексте красноречия: «Языком нападают и хорошо защищаются только софисты. Литературная софистика так же сложна, как и легка, очень легка,

¹ Гусева (2011). С. 54.

² Гусева (2011). С. 55.

ораторская софистика. Возможно, устный язык был создан для того, чтобы лгать или скрывать правду; письменный — для того, чтобы раскрыть и обнажить ее»¹. С одной стороны, Унамуно восхваляет софистов за умение красноречиво убеждать, а с другой — называет их искусство легким, а самих софистов — лжецами. Для саламанкского мыслителя софисты даже «думают словами, манипулируя фактами»². Перо и бумага могут раскрыть истину пишущего и донести истинные помыслы, голос же способен обмануть несчастного слушателя. Несомненно, «устные перепалки» никогда не будут для него выше письменных работ.

В эссе «Эксплуатация умных», где Унамуно рассуждает об обманщиках, есть такие строки: «Вот почему я ненавижу глупые словесные турниры, в которых, кажется, побеждает самый безрассудный и бесстыдный обманщик, чего не произошло бы в ходе спокойного и обстоятельного письменного обсуждения. И здесь потому, что софист языка боится и ненавидит перо. Лингвистические спорщики теряются, как только их ложь приходится фиксировать в письменной форме»³. Как видно, для Унамуно письменная речь — по-настоящему трудное мастерство, нежели произнесенные вслух слова. Сам дон Мигель использует свои многочисленные эссе для того, чтобы донести до читателя правду, использует бумагу и чернила для выражения своей точки зрения, не желая «гипнотического» воздействия на людей через сказанное слово.

Как мы отмечали, Унамуно характерна парадоксальность мыслей, и в этом тексте он также пишет о парадоксе. Мигель де Унамуно признает, что «всегда видел в глубине души догматика — софиста, а глубине души каждого софиста — догматика»⁴. Однако при выборе, на чьей стороне быть, Унамуно без сомнений выбирает софистов: «Древние философы, утонченные греческие софисты, были великими проводниками в жизнь разума; они учили играть с идеями, терять к ним уважение; они учили, что идеи предназначены для людей, а не люди для идей. Неисчислимы те услуги, которые софисты оказывают общественному духу во все

¹ Unamuno (1958). P. 679.

² Unamuno (1958). P. 62.

³ Unamuno (1958). P. 804.

⁴ Unamuno (1958). P. 947.

времена и во всех странах; без них он подпал бы под варварство догматизма и, скорее всего, сгнил бы в нем»¹. Эти слова указывают на то, что Унамуну смотрит на софистов с уважением. Для него догматизм — скорее пережиток прошлого, он больше склонен к софизму, построенному на идеальном предложении, которое может овладеть человеческим разумом. Трудно сказать, восхищался ли Унамуну софистами или презирал их, но он признавал и, вероятно, даже восхищался их умением искусно пользоваться словом.

Следует отметить то, что Унамуну вспоминал о софистике, когда рассуждал о необходимости поднятия национального самосознания и воспитания гражданина нового типа. Именно эти задачи были главными в период жизни Мигеля де Унамуну, который был полон множеств социально-политических переворотов внутри Испании. Потеряв последнюю колонию — Кубу — испанское государство переживало не только политический упадок, но и моральный, о чем много пишет Унамуну и упрекает страну в том, что она страдает и действует в последний момент: «И не приходите к нам с одними из ваших *post hoc, ergo propter hoc*, с софизмами, хорошо классифицированными в книгах по логике со времен Аристотеля, и с софизмами, которые лишают всего столь благородную и несчастную Испанию»². И во избежание повторения событий Унамуну подвигает население на участие в политической жизни страны. Феррет Сарриа цитирует Унамуну («Нужно принуждать и заставлять людей к участию в политике») и подчеркивает важность политической составляющей в унамуновском человеке. Но политику следует понимать не только в смысле принадлежности к политической партии, но и в смысле служения общественным интересам, где важны не идеи, а люди из плоти и крови³. Этические вопросы человеческой души, которыми занимался Унамуну, не могли не пересекаться с политическими. Для Унамуну была важна гражданская добродетель с акцентом на желании спасти свою родину и отождествить ее от других европейских стран. Политическая сторона воспитания истинного испанца, патриота своей земли,

¹ Unamuno (1958). P. 948.

² Unamuno (1958). P. 896.

³ Ferrete Sarriá (1998). P. 42.

у Унамуно пересекается с политико-педагогическим дискурсом Сократа, которого тоже можно отнести к софистам.

Унамуно, как и софисты, настаивает на том, что человек не может жить вне политики: «Первое, что нужно гражданину, — это гражданственность, и не может быть родины, настоящей родины, где граждане не озабочены политическими проблемами»¹. Унамуно настаивает, что только при заботе граждан о политике есть возможность достигнуть солидарности и справедливости внутри страны. Быть политиком — это значит не только принадлежать к политической партии или быть представителем народа, но и задумываться обо всем, что должно интересовать гражданина: «“Режим гласности”. Да, это формула республики, настоящей республики»².

Невежественность в политике сопрягалась с невежественностью в педагогике. Для Унамуно-педагога главное не научить гражданина законам физики или химии, а научить его читать и понимать то, что он читает. То есть, итогом образования должно было быть не жонглирование понятиями (то, в чем Платон упрекал софистов), а глубокое понимание того, что ими обозначено.

Конечно, воспитание гражданина в понимании Унамуно происходит только в демократической республике. Для Унамуно великой проблемой демократии является то, что дон Мигель называет «*sofisma democrático*», то есть непримиримая проблема необразованной массы, избирающей представителей, которые не менее невежественны. Это та самая сократическая / софистическая идея об опасности демократии как власти необразованного большинства, когда «знатоки» гонятся за титулами и профессиями. Унамуно писал: «...что бы вы ни говорили, нет ничего лучше, чем общественное жюри, состоящее из людей со всего света, без профессиональной однородности. Земледелец, сапожник, каменщик могут быть невежественными, но обычно их умы не испорчены предрассудками, софизмами и надуманными чувствами, которые внушают нам большинство доктринальных профессий»³. Феррет Сарриа пишет о негативном отношении Унамуно к интеллектуа-

¹ Ferrete Sarriá (1998). P. 41.

² Ferrete Sarriá (1998). P. 43.

³ Unamuno (1958). P. 879.

лам, замыкающимся в своем мире и не желающим делиться мудростью с другими. Такая позиция, по мнению Унамуну, таит в себе серьезную ошибку. Феррет Сарриа подкрепляет тезис следующим метафоричным высказыванием Унамуну: «Какова чистота духовного воздуха, которым следует дышать на этих вершинах чистого знания!»¹. Эти интеллектуалы, по мнению Унамуну, должны обучить эту огромную необразованную массу, «скованную ложными представлениями»². Поэтому, главная задача педагога как софиста-мудреца — рассказывать ученикам то, что он знает.

Подводя итог, отметим неоднозначное отношение испанского деятеля к софистам и софистическому образованию: 1) Унамуну умилительно относится к софистам, если это мудрецы, работающие на благо городу, а не словесные умельцы, создающие образовательную опасность для горожан; 2) Унамуну признает талант софистов управлять словом и воздействовать им слушающих, однако является сторонником письменного слова и считает, что устное слово может быть лживым и манипулятивным; 3) Унамуну считает, что наставник должен быть красноречив и делиться мудростью, а не «прятаться в пещере»; 4) Унамуну разделяет одну из главных целей софистов — воспитание политически активного гражданина; 5) Унамуну указывает на опасность ложных учений и софизмов, которыми утешается необразованное население.

Унамуну — мыслитель, который заставлял переосмысливать вечные проблемы. Его труды полны парадоксальных выводов, метафор, игры слов, а также аргументации, которая напоминает софистическую. Как и софисты, Унамуну находит своих поклонников через века.

Материал поступил в редакцию 17.01.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 27.01.2023

¹ Ferrete Sarriá (1998). P. 43.

² Ferrete Sarriá (1998). P. 43.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Aguilera, C. (1965) "Pensamiento educacional en Miguel de Unamuno", *Revista Calasancia*, 11.44, 411-523.
- Ferrete Sarriá, C. (1998) "El laberinto del ser humano", *Recersa Revista de Pensament i Anàlisi, Universitat Jaume I. Castelló (Espanya)*, XXV.10, 39-46.
- Latorre, R. R. (1973) "Unamuno, Educador", *Catedra Miguel de Unamuno. Cuadernos*, 23, 27-47.
- Maroco dos Santos, E. J. (2017) "La concepción unamuniana de asignatura como ciencia viva", *Revista Educación*, 41.2, 105-117.
- Unamuno, M. de. (1921) *Diario de un azulado*, Buenos Aires: La Nación.
- Unamuno, M. de. (1915) *La pureza del idealismo*, Buenos Aires: La Nación.
- Unamuno, M. de. (1910) *Los antipoliteístas*, Buenos Aires: La Nación.
- Unamuno, M. de. (1958) *Obras Completas V*, Madrid: Escelicer.
- Unamuno, M. de. (1958) *Obras Completas VIII*, Madrid: Escelicer.
- Unamuno, M. de. (1958) *Obras Completas IX*, Madrid: Escelicer.
- Unamuno, M. de. (1958) *Obras Completas X*, Madrid: Escelicer.
- Unamuno, M. de. (1958) *Obras Completas XI*, Madrid: Escelicer.
- Гусева, Т.К. (2011) «К вопросу об экзистенциализме: Мигель де Унамуно», *Вестник БГУ*, 6, С. 53-58. [Guseva, T.K. (2011) «К вопросу об экзистенциализме: Мигель де Унамуно», *Vestnik BGU*, 6, S. 53-58].
- Овсебян, А.С. (2022) «Проблемы высшего образования в трудах Мигеля де Унамуно» // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: Актуализация историко-педагогического наследия в первой четверти XXI века: материалы XVIII Международной научной конференции (Москва, 10 ноября 2022 г.). — М.: АСОУ, 147, С. 258-263. [Ovseryan, A.S. (2022) «Problemy vysshego obrazovaniya v trudah Migel'ya de Unamuno»// Istoriko-pedagogicheskoe znanie v nachale III tysyacheletiya: Aktualizatsiya istoriko-pedagogicheskogo naslediya v pervoy chetverti XXI veka: materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 10 nojabrja 2022 g.). — M.: ASOU, 147, S. 258-263].
- Хусейнова, А.А. (2020) «Софисты. Зарождение концепции мотивации к обучению», *Kant* 3, С. 195-199. [Huseynova, A.A. (2020) «Sofisty. Zarozhdenie koncepcii motivatsii k obucheniju», *Kant* 3, С. 195-199].

Astine OVSEPYAN

SOPHISTRY IN THE WRITINGS
OF MIGUEL DE UNAMUNO
BETWEEN POLITICS AND PEDAGOGY

The article explores the legacy of Miguel de Unamuno, one of the most prominent Spanish intellectuals of the late 19th and early 20th centuries. Unamuno was known not only as a writer, but also as a philosopher, philologist, journalist, playwright, social activist, and educator with unique and innovative ideas for his time. The focus is on his statements about the activity of the sophists, literary and rhetorical sophistry, as well as the sophistical concept of education in general. The key question is who the sophists were for Unamuno: wise men working for the benefit of the city or verbal craftsmen creating an educational danger for the citizens? In his essay “On Consequence and Sincerity”, where he discusses philosophical issues, Unamuno turns to the sphere of sophistical activity. He believed that there is a danger of becoming dependent on some authority (sometimes false) both in education and politics. Students, like voters, are made to believe in someone else's truth, so is there not a sophist inside the teacher and politician? Unamuno supports his point of view with an example of a man who hated politics but fell in love with the doctrines presented by his teacher. In his essay “The Exploitation of the Intelligent”, where Unamuno reflects on deceivers, he argues that a sophist may win in foolish verbal tournaments but not in calm and thorough written discussions. Based on his corpus of philosophical and pedagogical essays, one can conclude that Unamuno had an ambiguous attitude towards the sophists and sophistical education. By saying that he always saw a sophist in the depths of every dogmatist and a dogmatist in the depths of every sophist, Unamuno asserts that if he had to choose, he would undoubtedly choose a sophist. It is difficult to classify Miguel de Unamuno as either an opponent or a supporter of the sophists; rather, he sympathizes with them, using their activities to construct his arguments, which sometimes resemble sophistic ones.